

18+ ТАЙНЫ ФИЗИКА НИКОЛАЕВА

ТЕНЬ В БЕЛОЙ КОМНАТЕ

НИКОЛАЕВ Е.И.

Е. Николаев

Тайны физика Николаева.

Тень в белой комнате

<https://litres.ru/74147132>

ISBN 9785007059138

Аннотация

Следственная группа, состоящая из двух одарённых аналитиков, продолжает упорную борьбу с дьявольски умным противником. Опытный следователь Михаил Кратов и его юная напарница Мария обжигаясь близки к разгадке. Но враг опять опережает их на шаг. Непрерывно разрабатывая всё новые версии, они выходят на страшные подозрения и даже в какой-то момент теряют веру друг в друга. Но истинные профессионалы не сдаются. Удастся ли им распутать паутину лжи, найти своего «Мориарти» и остановить череду смертей?

Содержание

Глава 1. Расследование продолжается	5
Глава 2. Знакомство Марии с физиком	17
Глава 3. Допрос Кирилла	38
Глава 4. Полиграф и Петрович	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тайны физика Николаева

Тень в белой комнате

Е. И. Николаев

Редактор Евгения Беянина

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Мария Фролова

© Е. И. Николаев, 2026

© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5913-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Расследование продолжается

В отделе экспертно-криминалистического центра МВД создана аналитическая группа по расследованию дел прошлых лет. В её состав включены опытный следователь Михаил Николаевич Кратов и совсем молодая девчонка, выпускница Академии управления МВД, цифровой криминалист Мария Александровна Таран.

Получив старое нераскрытое дело об убийстве театральной актрисы, следователи вышли на след бриллиантов из прошлого. Бриллиантовая мафия решает вывести из строя ключевого аналитика группы и организовывает попытку устранения Марии. Казалось бы, следствие выходит на преступника, но Аркадий Владимирович Пронин выбрасывается из окна. Ниточка оборвалась. Мария чудом выживает после нападения, восстанавливается и возвращается к расследованию. Отрабатывая обстоятельства неудавшегося покушения на напарницу, Михаил обнаруживает подлинные бриллианты в её квартире...

— После рассказа Виктора Фёдоровича я попросил экспертов проверить все стекляшки — из квартиры артистки и из вашей, Мария Александровна. — Михаил пошелестел листами, откашлялся. — Вот смотрите, что написано в заклю-

чении. Подлинные бриллианты: размеры, огранка, чистота, включения, состав, цифры-буквы и так далее. И... читаем далее: представляют большую историческую ценность... бриллианты из тиары, найденной под лестницей в особняке князя. В открытых источниках тиара фигурирует в качестве свадебного подарка князя своей супруге... — Михаил положил заключение на стол.

— Да уж... — выдохнула Мария Александровна. — Это очень интересно. Получается, рано нам праздновать победу, ведь на заказчика мы так и не вышли, к чему были эти шаржи картин — не выяснили. Теперь вот стекляшки оказались бриллиантами... да ещё с историей. Работа аналитической группы продолжается или возобновляется в прежнем составе — Михаил Николаевич Кратов и Мария Александровна Таран? — Она посмотрела на Виктора Фёдоровича с лёгким смущением, не переборщила ли она с инициативой.

— Я полностью за, — поддержал девчонку Михаил Николаевич. Он был очень рад продолжению работы и даже не пытался этого скрывать. — Вы как думаете, Виктор Фёдорович?

— Звучит логично. Надо подумать, — как-то отстранённо ответил начальник.

— С чего начнём? — с энтузиазмом спросил Михаил Николаевич. Весь его вид говорил о том, что думать здесь больше не о чем, время действовать.

— Начнём с того, чем вы тут закончили без меня, — от-

ветила Мария Александровна. — Оказывается, у меня есть старший брат. Вот за него и возьмёмся. Участвовал ли он в нападении на меня? Картинки эти зачем? Стекляшки? Надо его пригласить к нам на беседу. Оснований для задержания у нас нет, Виктор Фёдорович?

— Оснований нет, но пригласить можем, — также задумчиво произнёс шеф. — С отцом такое случилось, вот и пригласим. Вы пока подумайте, покрутите у себя в группе картинки и бриллианты-стекляшки. Версии, варианты.

— Я могу к Евгению Ивановичу съездить? Служебное расследование по мне закончилось? — Михаил выжидающе посмотрел на начальника.

— Если я вам скажу, что оно и не начиналось, вы как на это посмотрите?

Михаил Николаевич нахмурился, соображая.

— А как я должен на это смотреть... Зачем был нужен этот обман?

— Всё просто. То есть вас на время необходимо было изолировать, чтобы направить следователя Пронина Аркадия Владимировича в ловушку имени сумасшедшего физика Николаева Евгения Ивановича, и нужна была его кровь для ДНК-теста. Мы были уверены, что Аркадий не упустит возможности отвести подозрения от себя и выставить отцом Марии физика-шизика.

— И ещё один вопрос: кровь сына Аркадия Владимировича, как там его, Кирилла, — это чистая подтасовка или...

— Никаких «или», было подозрение о его участии, мы на этом сыграли. Выбросился Аркадий из-за этого или из-за чего-то другого, теперь уж не узнаем.

— Тогда у меня ещё вопрос: всё-таки пятна крови на халате артистки действительно принадлежат Аркадию или?..

— Здесь так же. Помните, как Глеб Жеглов говорил: «Вор должен сидеть в тюрьме, и народ не волнуется, каким образом я его туда посажу. Вор должен сидеть в тюрьме! Вот что людей интересует!»

— Когда такое говорил Глеб Жеглов? — решила уточнить Мария Александровна.

Виктор Фёдорович с Михаилом Николаевичем удивлённо переглянулись. В двух головах одновременно возникла мысль: «Не может быть, чтобы она этого не знала». Повисла неловкая пауза. «Объяснять, откуда фраза? Не задеть бы её самолюбие».

Тишину нарушила сама Мария Александровна:

— В детективном романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» Глеб Жеглов говорит немного иначе и длиннее. Там целый монолог, но суть та же.

Виктор Фёдорович с Михаилом Николаевичем выдохнули и снова переглянулись, но теперь мысль была другая: «Да, умыла нас Мария Александровна».

— Ладно, так вот, мы теперь это заключение по халату артистки покажем Кириллу Аркадьевичу, — нашёлся Виктор

Фёдорович.

— Только предлагаю беседовать с ним в следственном кабинете, — сказала Мария Александровна. — Мы пока не предъявляли ему обвинения.

— Тогда хотя бы в моем кабинете, — Михаил Николаевич уловил мысль Марии: действительно, лимит на прыжки из окон их отдела уже исчерпан. — Там первый этаж и решётки на окнах.

— Не это... — начал сердито Виктор Фёдорович, но осёкся, пожевал, проглотил слова и подобрал другие: — Не балуйтесь тут.

Получилось забавно. Вместо того, чтобы грозно выругаться, мягко пожурил. Все трое понимающе улыбнулись и синхронно кивнули.

— И совсем уже прописные истины сыскного дела, — Мария Александровна добавила мягкости своей речи, понизив голос на полтона.

Однако деликатность интонации в сочетании со смыслом фразы лишь сильнее насторожила матёрых следователей: «Сперва умыла с книгой Вайнеров, а сейчас собралась добавить комплексов неполноценности в сыском деле».

— Так вот, — продолжила Мария Александровна. — Что лежит на поверхности: необходимо отследить путь бриллиантов от клада и до моей квартиры, отрабатывая версии и причастных на всём этом пути.

— Вот Михаил Николаевич этим и займётся, — распоря-

дился Виктор Фёдорович.

— Если нужна будет моя помощь, обращайтесь, Михаил Николаевич. У всего есть цифровой след, помните? — Мария явно осталась довольна тем, что её предложение не задело профессиональные амбиции опытных следователей.

— В любом случае держите меня в курсе. Надо это дело или дела довести до конца. Всё, давайте работать, — кивнул Виктор Фёдорович. — А мне надо позвонить кое-кому.

Коллеги вышли из кабинета начальника.

— Мария Александровна, расскажите, что на самом деле произошло у вас в квартире. Как вам удалось остаться в живых? Сможете опознать второго нападавшего?

— Пойдёмте ко мне в кабинет, поговорим за чашечкой кофе.

— Хорошо. Вы не спешите. Я кофе сделаю, принесу.

В кабинете Михаил Николаевич принёс кофе себе и Марии Александровне:

— Ваш со сливками и два пакетика сахара. Расскажите, как всё было?

— Расскажу, я же обещала. Начну с того момента, как вышла из машины, когда вы меня подвезли. Вот вышла из машины, пошла в магазин у дома. Купила хлеб, сыр, йогурт, помидоры и огурцы. По пути домой мне показалось, что в моем окне скользнула какая-то тень и колыхнулась штора. Я остановилась и присмотрелась, немного подождала. «Нет, показалось», — решила про себя. Однако поняла, что надо

быть внимательнее и, на всякий случай, поосторожнее. Вошла в подъезд, прислушалась. Никаких звуков, ничего подозрительного, всё как обычно. Лифта у нас нет, ну вы знаете. Поднялась к себе на этаж, постояла у двери, послушала. Тихо. Открыла дверь, привычным движением включила свет в прихожей. Разулась, надела тапочки. Пакеты с покупками оставила на кухне. Переоделась в домашнее в комнате. Покупки разложила, умылась в ванной, хотела на кухне перекусить чего-нибудь. Вечером я много не ем, чай с бутербродом или печенькой. Проходя из ванной на кухню, зашла в зал включить телевизор для фона. В зале включаю свет, а они сидят — оба в масках, в куртках с капюшоном — на моём диване. И знаете, Михаил Николаевич, у меня внутри совсем не появилось страха, спокойствие полное. Думаю, раз в масках, значит, убивать не будут. Попробуйте угадать, что я им сказала. Три попытки, ни за что не догадаетесь.

— Кто вы такие?

— Нет.

— Что вы здесь делаете?

— Нет.

— Что вам от меня надо?

— Нет.

— И что же?

— Вот что я им сказала: «Вы что, с ума сошли в ботинках по ковру?! Я вчера пылесосила! У-у-у, наследили!» Представляете?

— М-да... Это от шока, наверно, от неожиданности.

— В шоке от неожиданности они одновременно посмотрели на свои ботинки и на грязные следы на ковре. Я даже подумала, сейчас извиняться будут. Но нет. Ни слова не говоря, тот, что помоложе, вытащил нож, в одно движение с дивана подскочил ко мне и с маху вонзил мне нож справа под рёбра. Не сразу осознав своё положение, я потянулась к его маске. Точно помню, что двумя ногтями царапнула его под левым глазом, но он смог увернуться и остался в маске. Затем методично, без суеты и спешки несколько раз воткнул нож туда же в живот под рёбра, мне даже показалось, выбирал места, куда колоть. Тут я заметила: он был в чёрных кожаных перчатках. Сейчас понимаю, что мне пришло в тот момент в голову единственно правильное решение. Я закрыла глаза, зажала в руке телефон и упала навзничь, лицом вниз, чувствуя, как под животом и грудью разливается влажное тепло, и понимая, что истекаю кровью. Как ни хотелось встать, я лежала и, прикрыв веки, наблюдала и слушала. Угол обзора был очень ограничен, видно было только ноги в ботинках. Эти двое не разговаривали, слышались только шорохи, иногда щелчки пальцев и суставов от энергичных движений рук. Общались знаками и жестами, я так думаю. Они ходили по залу, как будто что-то искали. Я лежала и думала, что же они могут искать. Очень хотелось закрыть глаза и уснуть... Усилием воли я не позволила себе провалиться в манящую темноту. В какой-то момент я по-

няла, что рано или поздно они захотят проверить, точно ли я мертва. Я лежала и прокручивала варианты, как они это сделают. Перевернут меня и будут смотреть, дышу ли я, будут щупать пульс? Нет, в перчатках не будут, а может, просто ещё несколько раз воткнут нож для верности? Предпочтительнее выглядел вариант с переворачиванием. И что мне тогда делать? Я попыталась шевельнуть пальцами ноги и поняла, что ног не чувствую совсем — они онемели то ли от ран, то ли от лежания в неудобной позе. Короче, сопротивляться, бежать или как-то ещё действовать было невозможно. Лежу, думаю, размышляю: кто они, что им надо? Анализирую по звукам, что они делают, — только бы не провалиться в эту чёрную воронку. Кусаю губы, с силой до боли давлю носом в пол. Слышу — разбили окно, затопали по комнате, что-то собирая или разбрасывая. Загрохотали, стол двигают, диван со скрипом с ковра стащили. Лежу, в щёлочки вижу, ковёр собирают. Кто-то из них несильно толкнул меня ногой. Ага, думаю, проверяют. И тут — удар ботинком под рёбра. От нестерпимой боли в голове выключился свет. Дальше свозь обволакивающую пелену слышала стук по батареям, звонок и настойчивые глухие удары в дверь. Ботинки на подоконнике, и тишина в комнате. Проваливаясь в липкую черноту, нажала на телефоне последний вызов. Это был Виктор Фёдорович. На его «алло» смогла прохрипеть только «я дома» — и провалилась. Очнулась уже в больнице. Сестра сидела у кровати, позвала врача. Сразу появился Виктор Фёдоро-

вич, я поняла, что он дежурил, ждал, когда очнусь. Рассказала ему всё, что помнила. Особенно важно было сообщить, что шаркающей походкой и движениями, странно напоминающими движения дворецкого, один из нападавших показался мне похожим на Аркадия. Врач выпроводил Виктора Фёдоровича из палаты.

— Точно, Мария Александровна, когда я был в квартире, ковра на полу в комнате не было. Как вы думаете, зачем они его забрали? Что в нём такое? Следы? Отпечатки? Кровь?

— Не знаю. Думаю, сейчас ковёр уже найти не получится, столько времени прошло.

— Знаете, что я тут подумал, Мария Александровна? Не осмотреть ли нам вашу квартиру ещё раз, теперь уже совместно с вами? С Натальей Петровной переговорить снова. Кто к вам в дверь стучал? Она говорит, слышала, как мебель двигали. Про то, что в дверь и по батареям стучали, ничего не сказала. Про то, как вас на скорой забирали, не говорила. Странно это. Вы не знаете, как у неё с головой?

— Нормально у неё с головой. Всё очень просто. Виктор Фёдорович убедительно попросил её никому не говорить о том, что я осталась жива.

— Ничего себе, вот это партизан! Я бы с Натальей Петровной в разведку пошёл! Как это она умудрилась ничем не выдать тайны?

— Чтобы вы понимали, это она в дверь колотила. Кроме того, это она запасными ключами открыла мою квартиру, ко-

гда приехал Виктор Фёдорович.

— Вот это да! Ну Наталья Петровна, ну артистка! Она мне про эти ключи рассказала, как будто неожиданно вспомнила. Да, восхищаюсь! Получается, о том, что к вам двое пришли и вы им дверь открыли, — это неправда?

— Это Наталья Петровна от себя придумала, или ей Виктор Фёдорович подсказал.

— А, понял. Вот здесь она чуть не провалилась. Она мне говорила, что, может быть, эти двое — ваши братья. То есть она видела, как они пришли, открыли дверь, и подумала, что это вы им ключи дали. Кстати, а где они их раздобыли?

— Я размышляла над этим. Возможно, Аркадий у меня ключи из сумочки вытащил, дубликаты сделал. Вы мне скажите, что думаете найти в квартире? Уже искали-переискали. Кроме того, там прибрались начисто, я клининг заказывала. У меня есть другая идея, давайте вместе съездим к Евгению Ивановичу. Пользуясь его доверием к вам, попробуем его разговорить.

— Замечательная идея, тем более что Виктор Фёдорович рекомендовал. Вдвоём и ехать веселее. Евгению Ивановичу вы понравитесь, и он вам также будет доверять. Кроме того, он же сидит в своей психушке и не знает, что тут у нас произошло.

— Точно, надо согласовать с Виктором Фёдоровичем, всё рассказать физику и использовать его по полной программе, консультироваться с ним в открытую без всяких шифров и

тайных знаков.

— Прекрасная мысль! И почему она не в мою голову пришла?

— В вашей голове много другой полезной информации.

— Ага, или бесполезной, — крякнул смущённо Михаил.

— В голове моей опилки. Разным старьём забит мой чердак, куда никто не заглядывает, потому что даже лестницу убрали за ненадобностью. Кстати, не знаете ли вы, внук у Натальи Петровны есть?

— Знаю, как не знать. Есть у неё внук, хороший парень, Артём.

— Как Артём? Она говорила Витя, — замер Михаил.

— Всё-всё, Михаил Николаевич, идём к начальнику с этой идеей и за разрешением.

Глава 2. Знакомство Марии с физиком

На другой день утром следователи катили по загородной дороге к лечебнице. Мария щебетала весь путь: рассказывала о себе, о своих интересах — в общих чертах, но это не выглядело сухим изложением автобиографии. Михаил Николаевич изредка, мысленно отрываясь от полотна дороги, задавал уточняющие вопросы. Незаметно вырулили к разговорам об интересах, мышлении, жизненных принципах современной молодёжи. Ему действительно было интересно составить, сложить из пазлов портрет, понять психологию современного молодого человека. Пришло понимание, почему пыльный чердак Михаила Николаевича забит рухлядью, а на жёстком диске молодого человека достаточно места для хранения гигабайтов, терабайтов информации. Клиповое мышление, файловая система памяти. Удивила способность Марии Александровны, будучи представителем этой самой молодёжи, анализировать и чётко раскладывать особенности и различия среднестатистического представителя своего поколения. Слушать её было интересно, забавно и познавательно.

Уже у ворот лечебницы Михаил поймал себя на мысли, что в этот раз атмосфера встречи положительно изменилась. Охранник вышел из своей будки, расплылся в широ-

кой улыбке и, открывая ворота, přátельски им подмигнул. Главврач, поджидавший на крыльце, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он был в белом халате поверх белой рубашки с галстуком глубокого синего цвета, в элeгантных солнцезащитных очках с тонкой оправой и в белой бейсболке.

— Добрый день. Следователь Мария Александровна Таран, — представил коллегу Михаил.

— Владимир Иванович, главный врач. Мне звонили, предупредили о вашем приезде.

Мария Александровна оценила желание произвести на неё впечатление и вслух отметила:

— Модный лук, Владимир Иванович!

Главврач ответил вежливой полуулыбкой, пропустил следователей вперёд, открыв массивную дверь в свой дворец. Поравнявшись с Михаилом Николаевичем, он прикрыл рот ладонью и шепнул на ухо следователю:

— Что за лук, что это?

— Хорошо выглядите, Владимир Иванович, стильно, молодёжно, — также прикрыв рот, прошептал Михаил Николаевич.

— А-а-а, понял.

В кабинете Владимир Иванович напомнил о диктофоне, об отчётах, провёл инструктаж, уложившись в одно предложение:

— Не обижайте и не дразните пациентов, и они вас не

тронут.

— И не кормите, — совсем по-мальчишески брякнул Михаил Николаевич.

— Что? — изогнул бровь Владимир Иванович.

— Да так, ничего, глупости в голову лезут.

— Ладно, не балуйтесь. — Владимир Иванович открыл дверь. — Василий, зайди.

Василий ввалился всем корпусом и, увидев Марию Александровну, ухнул, как марафонец на финише:

— У-у-х.

— Добрый день! — широко улыбнулась Мария Александровна, чем, судя по виду Василия, ещё больше его смутила.

— Д-д-добрый д-день. Ид-дём з-за мной, — ошалевший Василий с трудом развернулся в дверном проёме и зашагал к лестнице на второй этаж.

— Идёмте, Мария Александровна. — Михаил легко толкнул под локоток Марию Александровну к двери, заглянул в глаза девушки и подумал: «Будет парочка? Этого ещё не хватало».

Мария Александровна уловила немой вопрос и ответила:

— Не переживайте, всё нормально.

— Точно?

— Да, точно. Идём.

Эти слова убедили бы Михаила, если бы не чуть заметный румянец на девичьих щеках.

Василий пропустил в комнату следователей, а сам немного замешкался в коридоре.

— Добрый день, Евгений Иванович! — с искренней радостью поприветствовал Михаил физика.

— Привет, Миша. С кем это ты приехал? Дочь твоя? Давай знакомь.

Мария Александровна протянула учёному руку и без тени улыбки произнесла:

— Добрый день, Евгений Иванович. Таран Мария Александровна, следователь экспертно-криминалистического центра МВД.

— Привет, — улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, Евгений Иванович. — Вот ты какая... — И внезапно добавил с обескураживающей бесцеремонностью: — Хороша! Да, Василий, хороша ведь? Где ты там?

— Здесь я. — Появившийся из коридора могучий Василий навис над Михаилом Николаевичем, словно гигантская ожившая тень следователя. — Вы не шутите, Евгений Иванович. Я вас сильно уважаю, но если вы не прекратите сейчас же, я санитаров позову.

— Ладно-ладно, Василий, ты прав. Я в больнице правила этикета совсем забыл, культуру растерял.

— Спасибо, Василий, — зарделась Мария Александровна.

— Извините, — буркнул Евгений Иванович, потупив-

шись.

— Переживём, — с вызовом бросила она обидчику.

— Евгений Иванович... — укоризненно начал Михаил.

— Я же извинился! — вспыхнул физик. — Что взять с больного! — И слегка успокоившись: — Давно мы с тобой не виделись. Есть что рассказать, полагаю?

— Да, у нас, Евгений Иванович, много чего произошло. Я вам расскажу подробно с самого начала, а вы нам, может, что-то подскажете, посоветуете.

— Давай валяй, — хохотнул физик. — Василий, включай диктофон. Что-то ты варёный сегодня, заболел или... — Тут он запнулся, стрельнул глазами в сторону Марии Александровны и умолк.

Василий поднял диктофон над головой, демонстративно нажал кнопку, положил на стол и молча отошёл спиной к двери.

— Вы, Евгений Иванович, оказались абсолютно правы, — поспешил продолжить деловую часть беседы Михаил. — Виктор Фёдорович вычислил Аркадия и вывел его на чистую воду. Но эта ниточка оборвалась...

Пока Михаил в деталях пересказывал всё, что произошло с их последней встречи, остальные молчали. Мария Александровна слушала внимательно, то кивая, то прищурившись и сжав губы. Василий застыл, подперев плечом дверной косяк. Евгений Иванович старчески жевал губами, точно пробуя на вкус каждое слово, глотая и отправляя на чер-

дак своего разума, где, как полагал наблюдавший за ним Михаил, слаженно работали датчики распознавания и оценки, транспортерные ленты тянули ряды фактов к стеллажам, шарики-ролики сортировали каждую деталь в точном соответствии с каталогами, реестрами и ярлыками.

Наконец Михаил закончил рассказ.

— Вот оно что... — задумчиво произнёс физик. — Не скажу, что ты мне глаза открыл, но подтвердил мои умозаключения. Жаль, что так с Аркадием случилось. Обидно. И покоя тебе, или вам, вашей группе, не дают картинки и, конечно, бриллианты?

— Вот именно. В самую точку.

— Тут специалист нужен нестандартный. Молодцы, что ко мне приехали. Есть у меня одна знакомая. Она родилась и жила в доме напротив музея изобразительных искусств. Там, куда люди раз в десять лет на экскурсии ходят, она провела детство и юность. На школьных уроках в музее писала сочинения о художниках и великих полотнах. Зовут её Ольга Борисовна Маринина. Близкие друзья называют её Лёля или Ляля, уважительно — Ляля Борисовна. У меня к ней имеется шкурный интерес. Я в своё время просил Лялю разработать проектную документацию моего реактора — схемы, чертежи, описание — для возможности его промышленного изготовления. Основное её место работы как раз энергетический проектный институт. Но она не поверила в меня и в мою идею домашнего реактора. Кстати, патент на реак-

тор мы оформили. Нашёлся энтузиаст, не пожалел времени и денег... Патент его ни к чему не обязывает, а мне теплее на душе от внимания молодых.

— Ну и как нам выйти на эту Лялю?

— Тихо, тихо. Тебе, Миша, чтобы Ольгу Борисовну Лялей называть, надо в круг доверия сначала войти.

— Хорошо, как нам с Ольгой Борисовной связаться?

— Я сам с ней переговорю, потом тебя свяжу. Кстати, меня друзья тоже по-разному называли — Гоша, Жора, Георгий Иванович.

— Как это? Где Евгений, а где Гоша с Жорой?

— Как-как, а вот так! Интересно? Смотри, у нас имена сокращаются Ольга — Лёля, Николай — Коля, Татьяна — Таня, Василий — Вася, Геннадий — Гена.

— Мария — Маша, — напомнила о себе Мария Александровна.

Евгений Иванович отреагировал на реплику движением брови, как будто прислушиваясь. Не услышав, судя по всему, ничего интересного, тряхнул головой и продолжил как ни в чём не бывало:

— Ну ты понял. А Евгений — Женя. Почему? Почему не Гений, а Женя? Точно так же, почему не Жора или Гоша. Вот и решил я для себя, как в том фильме, пусть будет Гоша, он же Жора, уважительно Георгий Иванович. Самозванец, скажете? А Женя — не криво?

— Забавно. Всё-таки окружение влияет на образ мышле-

ния человека, — усмехнулся Михаил Николаевич.

— Ты это, не дерзи. Во-вторых, это до моего попадания сюда выстроилось. Да, и у меня были друзья, — с неожиданной горечью на тяжёлом долгом выдохе произнёс Евгений Иванович и потухшим взглядом упёрся в стол перед собой. Через секунду он моргнул, рубанул ребром ладони стол и выпалил: — Эта Ляля Борисовна и про бриллианты, может, что подскажет, если они исторические. — Подняв глаза, словно доставая с верхних стеллажей своего «чердака» запылённые папки, спокойно продолжил: — Хороший человек. Кроме того, что профессионал, каких поискать, ещё и очень разносторонняя личность, интересный собеседник. Легка в общении: и выслушает, и расскажет. Твои заботы, проблемы, интересы воспринимает как свои. Я её в плохом настроении никогда не видел, думаю, что мало кто видел, как бы на самом деле на душе у неё ни было. Всегда с обаятельной улыбкой. Притягивает и, я бы даже сказал, приклеивает к себе. Разговариваешь с ней — и проникаешься чувством гордости от соприкосновения с выдающимся интеллектом и в то же время с очень доступной, обаятельной личностью. Одно жалко, не внушил доверия ей мой реактор, не смог я её убедить разработать проект. Ну да я ей позвоню, переговорю. Согласится — сброшу тебе контакт. Ещё вот вам мой совет. Вы со своим начальником вытаскивайте сына Аркадия, пощупайте его.

— Это мы и сами догадались, — не сдержалась Мария

Александровна.

— Молодцы, что догадались. От меня чего ещё хотите? — ошетинился физик. — Василий, давай выключай и забирай этих с собой.

Михаил Николаевич замялся, он явно не хотел уходить.

— Может быть, Евгений Иванович, энергетически что-то считываете, работают ваши приёмники-передатчики? Что вы думаете про картинки и бриллианты?

— Дорогой Миша, я тебе что, клоун? — у Евгения Ивановича нервно затрепетали ноздри. — У вас в руках живой свидетель и, скорее всего, участник всей этой истории. А ты здесь комедию ломаешь. Энергетически! Ты думаешь, я не понимаю, зачем вы приехали или зачем начальник вас прислал? Рассказали, хорошо. Я вам посоветовал. И всё, пока, до свидания! Работайте. Василий, заканчивай, сворачиваемся, не то действительно придётся санитаров звать.

— Всё-всё уходим, — Михаил Николаевич пропустил Василия за диктофоном, мягко сгрёб Марию Александровну и направился к выходу.

— Спасибо и до свидания, — сухо бросила Мария Александровна.

— До свидания, Евгений Иванович, — сгладил суровость коллеги Михаил и, не дожидаясь ответа, обратился к Василию: — Мы к Владимиру Ивановичу.

— Угу, иду, — буркнул Василий, забрал диктофон со стола, повернулся и вышел в коридор.

Заглянули к Владимиру Ивановичу отчитаться, попрощались и поехали в отдел к начальству.

— Ну как вам Евгений Иванович? — спросил Михаил, как только машина выкатила за ворота больницы.

Мария Александровна пребывала в глубокой задумчивости.

— Он какой-то ненастоящий, — медленно начала она. — Неестественный, переигрывает, как плохой актёр. Строит из себя... Зачем и почему, непонятно.

— Обиделись?

— Не вижу смысла мне на него обижаться, но без особой надобности я к нему больше не поеду.

— Вы заметили, как Василий смутился? Понравились вы ему, — Михаил Николаевич решил сменить тему.

— Может быть, молодой здоровый парень, — усмехнулась Мария Александровна. — Кого он в этой больнице видит целыми днями? По-другому просто не мог реагировать. Понятно?

— Конечно понятно, чего тут может быть непонятного, — кашлянул напарник.

Они переглянулись и улыбнулись друг другу. До отдела ехали молча под льющие из динамиков звуки «Классик ФМ».

В отделе Мария Александровна направилась по лестнице к себе на третий этаж, потом к начальнику. Михаил Николаевич вошёл в свой кабинет, повесил пиджак на спинку стула,

распахнул окно, чтобы проветрить душное помещение. Вместе с относительно свежим воздухом в кабинет проник шум улицы. Сквозь этот поток слышалось слабое, но настойчивое жужжание. Потребовалось время, чтобы определить источник звука. В кармане пиджака на спинке стула вибрировал купленный неделю назад простенький аппарат. Звонить мог только один человек.

— Да, алло.

— Привет. Я тебе про патент говорил?

— Говорили.

— Посмотри по сторонам, изучи ситуацию. Найди того, кто был заинтересован в том, чтобы нить оформления оборвалась. Эксперт неслучайно отказался от дальнейших действий, или, как молодёжь говорит, соскочил с темы. Понял?

— Понял. Опять вы с патентом?

— Опять-опять. Ничего ещё не закончилось. С этой тоже осторожнее. Давай, пока.

— Пока...

Кабинет заполнил липкий запах плавящегося асфальта. Михаил включил кондиционер и собрался встать закрыть окно. Внезапно сверкнуло, громыкнуло, по стеклу забарабанили крупные капли летнего ливня. Запах мокрой земли вытеснил едкие битумные пары, и стало гораздо свежее.

Михаил так и не поднялся из-за стола. Под шум нарастающей дождевой дроби он принялся перебирать мысли, как мастер цигун перебирает в руках поющие шары.

«Кому это может быть на руку?.. Вовремя мы приехали, вон как дождь поливает... Ещё и „с этой осторожнее“. А ведь ехали — ни облачка, небо было ясное. Почему Кирилла Аркадьевича до сих пор не вызвали? Чего тянут? А если он убежит? Ну зарядил, в окно заливает. Неужели ему не сообщили о смерти отца? Что там Мария Александровна?..»

Он встал и всё-таки закрыл окно, потом ещё долго смотрел на стекающие по стелу струйки. Во дворе стало темно и грустно, на асфальте быстро собрались внушительные лужи. Вода, пенясь по краям, реками переливалась через бордюры к деревьям.

«Да я ведь сегодня не обедал, — продолжал свой внутренний монолог следователь. — Маковой росинки во рту с утра не было. Кофе не пил...»

И тут он понял, что другие мысли уже не придут. Лучшее решение в такой ситуации — перекусить. И надо захватить с собой Марию Александровну, она-то тоже голодная. Бросил взгляд через стекло, как бы отпрашиваясь, и сказал про себя: «Схожу пообедаю».

Но сперва Михаил Николаевич поднялся в приёмную.

— Привет, Валентина. Мария Александровна там? — он кивнул на дверь начальника.

— Добрый день. Там.

— Давно сидят? Не шумят?

— Да вроде тихо. Вы что хотели? Доложить о вас?

— Нет, не надо. Наоборот, Мария Александровна выйдет,

скажи ей, пожалуйста, что я в столовой.

— Поняла, скажу. Приятного аппетита.

Обедать в одиночестве Михаил Николаевич не любил. Одно дело закинуть в себя бутерброд, пирожок или даже плов или котлету с картошкой, не отвлекаясь от дела и не переключаясь на внешние раздражители. Совсем другое — в уютной обстановке ресторана, да ещё и в хорошей компании размеренно, за разговорами, забыв про заботы.

В столовой самообслуживания серость блюд общепита может скрасить только непринуждённая беседа с коллегой. Без компании здесь приём пищи, по сути, сводится к обычной заправке, но заправиться быстро невозможно по причине неизбежности соблюдения ритуалов в виде стояния в очереди с подносом и выбора блюд на раздаче. На вкус еды очень влияет настроение раздатчицы и кассира, которым, кстати говоря, редко присущи такие качества, как жизнерадостность и коммуникабельность. И самое грустное — это ощущение пустоты, заполняющее тебя до макушки после приёма пресной пищи.

С таким настроением Михаил Николаевич спустился в столовую, цепляясь за призрачную надежду встретить хоть кого-то из знакомых. В столовой посетителей не было, время активного питания закончилось, до закрытия оставалось сорок минут. Дождь за окном не унимался, барабания горошинами в окна. Но, к счастью для Михаила, приветливость Наташи на раздаче с приближением закрытия и снижением

числа голодных клиентов повышалась, иногда в такое время она даже шутила, в основном на тему остывших остатков питания.

На кассе после оплаты Михаил Николаевич услышал:

— Приятного аппетита!

Дружелюбно, для поддержания уровня хорошего настроения в мире, громко ответил обеим — и Наташе, и женщине на кассе:

— Спасибо! Хорошего дня!

— Спасибо!

— Спасибо!

На подносе за столом куриный шницель с гречневой кашей и капустный салат вкрадчиво шепнули:

— Съешь нас, Миша...

С вожделением взяв в руки нож с вилкой, оголодавший следователь стал, не торопясь, обедать. Дело шло к кульминации — после шницеля с гречкой и салата на подносе ждали два стакана сладкого компота и блюдце с творожными сырниками, обильно политыми сгущённым молоком, и Михаил решил перед апогеем наслаждения сделать небольшую паузу, ещё раз вспоминая шницель и капустный салат. В это время в двери столовой показалась голова Марии Александровны. Обнаружив напарника, девушка бодро направилась к его столу:

— Приятного аппетита.

— Спасибо. Пообедаете?

Окинув взглядом поднос, она оценила, на какой стадии находится обед Михаила Николаевича, села на свободный стул и решительно ответила:

— Нет. Подожду, пока закончите. Потом пойду к себе кофе выпью.

— Хотите я вас сырниками угощу? — оживился Михаил. — По большому счёту, я уже наелся, это я с голодухи набрал. А потом вместе поднимемся к вам кофе выпьем.

Мария Александровна чуть заметно сглотнула, подняла ладошку и хотела было начать отказываться, но глаза выдавали другое, так что Михаил Николаевич, не дожидаясь ответа, решительно встал и направился к стойке раздачи.

Широко шагая, он вернулся с вилкой, чайной ложкой, ножом в одной руке и с салфетками в трубочку в другой. Положил салфетки на стол, разместил на них вилку, нож и ложечку, подхватил и поставил тарелку с сырниками перед Марией Александровной. Молча, стоя, залпом выпил стакан компота, сел и тоном, не допускающим возражений, весело провозгласил:

— Сырники — ваши!

В такой ситуации Марии Александровне отказываться было ещё более неловко, чем принять предложение.

— Спасибо, — потупилась одна. — Только после сырников сразу ко мне кофе пить.

— Может, компот?

Но Мария Александровна уже принялась за сырники и

только помотала головой.

— Ну кофе так кофе, — улыбнулся довольный собой блоготворитель.

Обед явно удался. Что же будет дальше?

Мария Александровна с нескрываемым наслаждением прикончила сырники. Михаил хлопнул второй стакан компота, собрал и унёс грязную посуду (Мария Александровна ждала у двери на выходе из столовой). В кабинете он принёс два кофе и сел за стол по правую руку от коллеги, ожидая, пока та закончит щёлкать кнопками мышки и бегать глазами по монитору.

— Завтра приедет Кирилл Пронин, — как бы между делом произнесла Мария Александровна. — Виктор Фёдорович предлагает вам побеседовать с ним всё-таки в допросной, сразу показать ему всю серьёзность его положения. Холодное сырое помещение без окон, без дневного света, металлические стол и стулья, прикрученные к бетонному полу, казённый белый свет, железная дверь, полупрозрачное стекло — это всё должно надавить на психику и поспособствовать сговорчивости.

— Предлагаете мне его допрашивать?

Мария Александровна отвела взгляд от монитора и твёрдо произнесла:

— Да. Вы начнёте, мы с Виктором Фёдоровичем будем за стеклом. Вы мне сделаете знак, я войду, и продолжим уже вдвоём. Надо договориться, что это будет за знак.

— Так... Какой стороной я буду сидеть к стеклу? Ага, вот так, здесь я сижу, он напротив. Когда я потру мочку правого уха, заходите.

— Понятно. Трите так, чтобы было понятно, что не просто так трёте... Только ухо не оторвите, а то Кирилл не поймёт! — Мария Александровна залилась звонким девичьим смехом.

Михаил одним глотком допил кофе и поднялся.

— Пойду тогда готовиться. Больше ничего Виктор Фёдорович не говорил для меня?

— Нет, вам больше ничего не передавал. Но подождите, не уходите. Ещё вот хотела поговорить про бриллианты. Смотрите. — Мария Александровна развернула монитор. — Клад был найден после революции в первые советские годы во время ремонта в усадьбе князя. Князь с семьёй бежал от революции в Европу. В потайной комнате под лестницей было обнаружено двадцать четыре ящика с драгоценностями, золотые, серебряные монеты и изделия, в основном подарки князя своей жене. В перечне найденных предметов значилась тиара «Лучи звезды» с сочетанием хрусталя и бриллиантов в драгоценной оправе. Советские деятели решили реализовать найденные ценности, вырученные деньги использовать на нужды становления молодой страны. Предметы коллекции стали всплывать на аукционах Европы. Князь хотел их вернуть себе, часть выкупил, на остальное пытался наложить арест, подал иск на Советскую власть. Суд проиграл,

слишком многие хотели приобрести предметы роскоши российской аристократии по низкой цене. Тиара «Лучи звезды» нигде не появлялась, следы её затерялись, сегодня информации о месте её нахождения нет. Думаю, попала в частные руки, возможно, пострадала. Продать её целиком не представляется возможным, вот и передают для продажи по частям.

— Завтра у Кирилла постараюсь что-нибудь выведать, — пробормотал Михаил, скребя щеку.

— Отлично, — лучезарно улыбнулась ему Мария Александровна, свернула на мониторе статью о княжеском кладе и уже совсем другим, озабоченным тоном сказала: — И вот ещё что... С этого места слушайте.

Она щелчком мыши включила аудиозапись, по экрану побежали волны спектрограммы:

— Посмотри по сторонам, изучи ситуацию. Найди, кто был заинтересован в том, чтобы нить оформления оборвалась. Эксперт неслучайно отказался от дальнейших действий, или, как молодёжь говорит, соскочил с темы. Понял?

— Понял. Опять вы с патентом?

— Опять-опять. Ничего ещё не закончилось. С этой тоже осторожнее. Давай, пока.

Михаил Николаевич понял, что отпираться глупо.

— Вот такой Евгений Иванович, — он пожал плечами. — Я хотел с вами это обсудить, но вы были заняты у шефа. — А про себя подумал: «Действительно, похоже на правду, а после обеда планировал сразу...»

— Валентина сказала мне, что вы меня искали. Но почему не зашли к Виктору Фёдоровичу это обсудить? Не вполне ему доверяете?

— Нет-нет, я хотел сначала поесть, потом в рамках служебной иерархии рассказать сначала вам.

— Ладно, Михаил Николаевич. Выражение «с этой осторожнее» можно, конечно, списать на невоспитанность физика, но я думаю, дело здесь в другом. Он вас о чём-то предупреждает. Как думаете, о чём?

— Не знаю, сам удивляюсь, о чём он...

Произнеся это, Михаил осознал, насколько фальшиво прозвучали его слова.

— Ещё поглядим... — продолжала размышлять Мария Александровна. — Это, может быть, мелочи. Не понравилась я ему. А вот что действительно важно, слушайте: «Посмотри по сторонам, изучи ситуацию. Найди того, кто был заинтересован в том, чтобы нить оформления оборвалась. Эксперт неслучайно отказался от дальнейших действий, или, как молодёжь говорит, соскочил с темы». Мы же оба понимаем, что это не про патент? Верно?

— Верно. Это действительно важно, я над этим думаю и именно это хотел с вами обсудить.

Михаил с отчаяньем осознал, что и эти слова прозвучали так же неправдоподобно и даже, возможно, более фальшиво.

— Хотели — давайте обсудим, — с металлом в голосе произнесла Мария Александровна, полоснув взглядом.

Михаил Николаевич готов был провалиться сквозь землю или, как в детстве, залезть под стол и сидеть тихо, чтобы взрослые не знали, где он.

— Ума не приложу, кому надо, чтобы Аркадий Владимирович... — он запнулся, сжав зубы, и внезапно придумал другое: — Чтобы эта ниточка оборвалась.

— Михаил Николаевич, первое, что приходит вам на ум? Ну же, не думайте. Ну первое, выдавайте, — наседала упрямая девчонка.

— А вам первое что на ум?.. — слабо парировал он.

— Начальник! — неожиданно выкрикнула Мария Александровна.

— И у меня начальник! — с облегчением выдохнул Михаил.

«Вот как оно ощущается — „камень с души“», — пронеслось в голове.

— Вот и хорошо, всё хорошо, всё хорошо, Михаил Николаевич... — мягко заговорила Мария Александровна. — Давайте условимся впредь обсуждать друг с другом всё, что касается этих двух дел. Без доверия у нас ничего не получится. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Михаил Николаевич, ощущая себя пациентом на сеансе у психотерапевта. Стыдно, блин, Синопчик.

Дождь за окном стихал, дробь становилась реже и, наконец, перешла в стук одиночных капель о жестяной подокон-

НИК.

Глава 3. Допрос Кирилла

Утром следующего дня Михаил Николаевич был готов к беседе с Кириллом. Он ещё раз пробежался по вопросам и пунктам согласованного плана беседы, вложил его в папку-скоросшиватель, спрятав его за чистыми листами. Немного посидел, выдохнул, собрал себя и ровно в 8:57 вышел из кабинета.

У допросной, потирая руки и хрустя суставами пальцев, нервно ждал Виктор Фёдорович.

— Где вы все?! — сдавленно просипел он, но быстро взял в себя в руки. — Добрый день. Где Мария Александровна?

— Добрый день, Виктор Фёдорович. Кирилл уже здесь? — не отреагировав на первый вопрос шефа, спросил Михаил.

— Уже там. — Виктор Фёдорович ткнул указательным пальцем в железную дверь.

— Здравствуйте! — Мария Александровна сцепила руки в замок спереди, резко расцепила и завела за спину, обхватив правой рукой запястье левой.

«Нервничает, переживает, — отметил Михаил Николаевич. — Хорошо, что я начну беседу. А то один хрипит, вторая руки ломает».

— Ну дайте мне посмотреть на брата, родного, между прочим... — Мария Александровна шагнула к полупрозрачно-

му стеклу зеркала Гезелла.

В комнате на алюминиевом стуле за железным столом сидел совсем не железный человек. Он был живой, даже слишком живой. Кирилл оказался довольно крупным, насколько возможно было определить в сидячем положении. Черты лица выдавали в нём интеллигентность и, пожалуй, были даже аристократическими. Взгляд казался уверенным и спокойным, но движения... Что-то не так было в его движениях. Да, они были порывистыми, без пауз, без остановки. Он шевелил пальцами, руками, ногами, то наваливался локтями на стол, то откидывался на спинку стула, крутил головой по сторонам, закидывал ногу на ногу, упирался руками в колени широко расставленных ног. Наблюдая через стекло за молодым человеком, Михаил Николаевич вдруг представил быющую в клетке птицу. И птицей этой был гордый, независимый, свободный орёл. «Вскормлённый в неволе орёл молодой...»

— Мария Александровна, не видите следов под правым глазом? Помните, где вы его поцарапали? — тихо спросил он.

— Нет, не вижу. Ну, Михаил Николаевич, идите, — Мария Александровна указала на Кирилла. — Идите туда. Мы здесь.

Михаил вошёл в допросную. Дал утихнуть резкому эху закрываемой металлической двери.

— Добрый день. Давайте знакомиться. Кратов Михаил Николаевич, следователь-криминалист экспертно-кримина-

листического центра МВД.

Он сел на стул напротив задержанного, уронил на стол папку, та упала с весомым хлопком. Медленно открыл её, вынул из нагрудного кармана рубашки авторучку, щёлкнул и приготовился записывать, впившись взглядом в лицо Кирилла. На правой щеке царапин видно не было.

— Как вас зовут?

— Добрый день. Кирилл Аркадьевич Бросов, художник-реставратор.

— Записал. Ваша фамилия Бросов, не Пронин?

— Да, Бросов. Если вы про отца моего, Пронина, я недавно узнал о его существовании. Около пяти лет назад. Так-то я детдомовский.

— Хорошо. Ваш возраст? Дата рождения?

— 24 года, 15 мая 2001-го.

— Вы служили? Где?

— Служил, не было у меня возможности отмазаться. В морской пехоте.

— Да, в морской пехоте — это серьёзно. Бойцы морской пехоты обязательно проходят тренировки ножевого боя.

— Были и такие...

— Так-так... — Михаил Николаевич подтянул из-под чистых листов за уголок план беседы. — Вы знаете, что произошло с вашим отцом? Я имею в виду Аркадия Владимировича Пронина.

— Да, мне рассказали, что он выбросился из окна своего

кабинета. Из-за чего, я не знаю, и никто мне не говорит. Пока ведётся следствие, детали не раскрываются. Я полагаю, вы мне как следователь и расскажете подробности. Одного я не могу понять, почему мы сидим в этом бункере, как будто вы собираетесь меня пытаться. За этим зеркалом за нами наблюдают? Кто там?

В голове Михаила Николаевича тоже навязчиво крутился вопрос: почему обстановка допросной должна давить на психику Кирилла, а некомфортно ему? Надо разворачивать ситуацию, этот Кирилл не из слабаков.

— Да, Кирилл Аркадьевич, — произнёс следователь, пристально глядя в глаза молодому человеку. — Я вам расскажу подробности гибели вашего отца. А в этой комнате мы разговариваем, потому что вы подозреваетесь в покушении на убийство. Выбирайте, Кирилл, с какой темы начнём.

— Во-первых, перестаньте, пожалуйста, мне выкать, меня это сильно напрягает. Вы старше меня в два раза. Наверно, вам столько же лет, как и моему отцу.

— Хорошо, буду обращаться к тебе на «ты».

— Во-вторых, вопрос, с какой темы начнём, поставлен некорректно. Это звучит как: что тебя больше интересует — смерть отца или твоя жизнь? Моя жизнь, конечно, мне ближе, но как порядочный человек я должен выбрать подробности смерти отца, а между прочим, мы не на рынке, и, как мне кажется, торг здесь не совсем уместен.

Михаил Николаевич был удивлён и обескуражен. Не та-

кой реакции он ожидал на обвинение в убийстве. У этого парня стальные нервы. Нелегко такого разговорить и уж тем более подвести к чистосердечному признанию. Здесь пригодятся опыт, навыки и мастерство работы следователя с обвиняемыми.

— Я с тобой, Кирилл, не торгуюсь. Так вот, отец твой выбросился из окна после того, как его так же обвинили в покушении на убийство, кроме того, есть доказательства твоего участия в этом же покушении.

— Слушайте, товарищ следователь, если у вас есть доказательства, чего вы меня тут возите? Не тяните кота за хвост, предъявляйте, в чём подозреваете.

— Ты не спеши. Давай по пунктам, по шагам. Ты как давно видел отца?

— Вот так вы и работаете, как в кино показывают. Сначала обвиняете, а потом начинаете разбираться. Отца я не видел около полугода. Он тогда ко мне в гости приезжал.

— Какие у вас с твоим отцом, с Аркадием Владимировичем, были отношения?

— Какие у нас могли быть отношения, как вы думаете? Они меня в детский дом сдали. Не каждый хозяин больную старую собаку в приют сдаёт. Какие могут быть у нас отношения? А тут вдруг нашёл меня, стыдно, видно, ему стало. Заботу начал проявлять, жизнью моей интересоваться. Помог в мастерскую устроиться. Материально помогал. Я от заботы и, тем более, от материальной помощи не отказывался,

но папой его не называл.

— О чём вы разговаривали, чем занимались, когда встречались?

— Так ведь особо ни о чём и не разговаривали. Как дела, чем занимаешься, что в планах — и всё.

— Про твою мать рассказывал что-нибудь, кто она, где живёт, чем занимается?

— Без деталей. Это она, мол, от него ушла, меня в детский дом сдала, а он не знал об этом. Другой жизнью, с другой женщиной жил, другая семья. А как узнал, сразу решил меня найти. Конечно, я не верил ему, в детском доме учат никому не верить.

— Понятно. Скажи, Кирилл, знаешь ли ты, что у тебя есть родная сестра? Об этом он тебе говорил?

— Её тоже в детдом сдали? Где она? Он её нашёл так же, как меня?

— То есть ты ничего не знаешь про свою сестру? В детдом её не сдавали, мать вырастила её в другой семье, вернее с другим отцом.

— Ничего б этом не знаю, он не рассказывал.

— Знаешь ли ты что-нибудь о том, что отец твой занимался реализацией краденых бриллиантов?

— Нет.

Михаил Николаевич заметил, что Кирилл перестал суесться, лишних движений больше не делал, говорил расслабленно и спокойно. Освоился, значит.

— Тебе, Кирилл Аркадьевич, предъявляется обвинение в участии в покушении на убийство твоей родной сестры вместе с твоим отцом, — прямо глядя в глаза молодому человеку, произнёс следователь.

— Ого, а за что? Она бриллианты с ним воровала? Семья преступников. — Кирилл улыбнулся, улыбка получилась напруганной.

— Скажи, где ты был ночью с 27 на 28 июля? Должен напомнить, что чистосердечное признание облегчит твою участь.

— Я так думаю, товарищ или гражданин следователь, что у вас нет никаких доказательств моего, как вы говорите, соучастия, поэтому вы тут со мной разговариваете. В ночь с 27 на 28 июля я был у себя дома в другом городе, как и последние два с половиной месяца после моего отпуска. Подтвердить это могут моя девушка и соседи по подъезду.

— Это мы проверим. Под протокол я тебя спрашиваю, признаёшь ты себя виновным в предъявленном участии в покушении на убийство Таран Марии Александровны? Хочешь ли дать показания по существу предъявленного обвинения на русском языке?

— Для протокола: виновным себя не признаю, по существу обвинения сказать мне нечего.

— Записал, от дачи показаний отказался. Ещё один вопрос, на сегодня последний. Всё, о чём ты мне сказал, сможешь подтвердить на полиграфе?

— Вот именно об этом я и говорю. У вас нет доказательств против меня, и за полиграф цепляетесь как за соломинку. Вы знаете, что я имею право отказаться от проверки на полиграфе, это может быть выполнено только при моём добровольном согласии. Кроме того, результаты полиграфа не могут служить основанием для обвинения, так как метод не является научно обоснованным и носит условный характер. Ну что, гражданин следователь, будем на полиграф время тратить?

— Будем, обязательно будем. Только завтра. Мы подготовим комнату и оборудование. Ты пока, Кирилл, в изоляторе временного содержания посиди.

Молодой человек внезапно вскочил со стула и врезал кулаком по железной столешнице. Грохотом Михаила Николаевича аж отбросило на спинку стула.

— Вы не имеете права! — закричал вне себя Кирилл. — У вас на меня ничего нет! Мне надо срочно домой!

Сколько же раз за свою работу слышал подобное следователь Кратов... Он нажал кнопку под столом, закрипела входная дверь, и, громыхая ботинками, в комнату вошёл сопровождающий, такой же молодой, как и Кирилл, парень.

Михаил аккуратно собрал листы, выровнял их по краям и закрыл папку.

— Не закрывайте дверь, я выхожу, — попросил он сопровождающего и, скользнув взглядом в сторону Кирилла, до-

бавил: — Отведите этого молодого человека во временный изолятор.

Встал, сунул папку под мышку и уже в дверях произнёс: — До свидания, Кирилл, до завтра.

Сразу за дверью на него набросились Мария Александровна и Виктор Фёдорович:

— Вы что творите?! Какой полиграф?! Вы ему сразу всё вывалили! И про полиграф он абсолютно прав, его к делу не пришьёшь!

— Нет, вы видели, как он держится? Вы мне скажите, Мария Александровна, это он или не он?! Ну этот, второй нападавший? — Михаил пропустил упрёки начальника мимо ушей.

— Да он это, он, — уверенно кивнула девушка.

— Почему у него под глазом нет отметин от ваших ногтей? — спросил Михаил Николаевич, но без напора, а скорее размышляя. — Так быстро зажить не могло. Результаты полиграфа напрямую к делу не пришьёшь, верно, но по реакции мы его виновность косвенно докажем или нет. После ночи в изоляторе нервы у него расшатаются, уверенности поубавится. Крепкий орешек, конечно, морская пехота, но где-нибудь да ошибётся, на чём-то мы его поймаем.

— Вы говорите «мы», кого вы имеете в виду? Кто это мы? — Мария Александровна очевидно была слегка сбита с толку происходящим.

— Я имею в виду вас и себя, мы его обязательно разговорим. Мы можем задержать его на трое суток, завтра на полиграфе его погоняем, послезавтра с результатами снова побеседуем, уже с вашим неожиданным появлением, после мочки уха. Обязательно расколем! Пойду с полиграфологом поговорю, подготовимся.

— Что за ухо, какая мочка? Пытать его хотите? За уши дёргать? Детский сад какой-то. Это кто из вас придумал? — неожиданно встрял шеф.

— Это тайный знак, когда Марии Александровне заходить. Я придумал, — гордо заявил Михаил Николаевич.

— А, теперь понял. Привет Степану Петровичу от меня передавайте. Я вынужден вам сказать до свидания, мне надо уехать.

...

Степан Петрович, которого все панибратски-уважительно звали Петровичем, полиграфолог средних лет, был знаток своего дела и к прибору относился точно как кинологи относятся к верным собакам. Комплект оборудования Петрович ласково называл по имени, и имя это было Поли. Свой полиграф он протирал, накрывал специальной матерчатой салфеткой, только что не кормил.

Прибор представлял собой ноутбук с дополнительной коробочкой и пучком из восьми длинных проводов, оканчивающихся датчиками, и мог бы поместиться на столе или тумбочке. Но Петрович раздобыл трёхъярусную медицинскую

тележку на колёсах. На каждой полке тележки отдельно хранились: сверху ноутбук, на средней полке коробочка и внизу провода с датчиками. Сборка полиграфа для работы напоминала магический ритуал. Особенно эффектно это выглядело ещё и потому, что Петрович оживлял свою волшебную машину всегда на глазах испытуемого. Любимое его выражение: «Полиграф — не бездушная шайтан-машина. Полиграф — это единое целое и слаженная работа прибора и полиграфолога».

Петрович предпочитал сначала лично знакомиться со своим «пациентом». Только так, утверждал он, можно правильно настроить прибор. Сразу после того, как в кабинет с полиграфом вводили человека для проверки, звали самого Петровича. Он входил, интенсивно потирая руки, и молча шествовал мимо клиента. Брал из угла стул и ставил в центр комнаты. Начинался сеанс. Степан Петрович опирался рукой на спинку стула и сканировал человека, поводя взглядом влево-вправо и сверху вниз. Со стороны выглядело так, как будто полиграфолог измеряет высоту и ширину испытуемого. После этого Петрович останавливал взгляд на глазах клиента, но глядя как бы сквозь него. Теперь испытуемый замечал, что глаза у полиграфолога разного цвета — один серый, другой светло-коричневый, почти жёлтый. Как правило, в результате этих психических манипуляций жертва Петровича входила в состояние крайнего дискомфорта и — когда полиграфолог вдруг командовал: «Садись!» — подчиня-

лась немедленно, безвольно падая на стул. После этого Петрович пыхтя выкатывал из-за шкафа в углу тележку и с усилием толкал её к «пациенту».

Прибор с проводами на медицинской тележке производил на психику человека эффект, схожий, пожалуй, с эффектом от вида электрического стула. Когда к телу прикрепляли датчики, мышцы непроизвольно сокращались от колющих электромагнитных импульсов, а сказанное вполголоса в самое ухо «не дёргайся, я ещё Поли не включал» лишало испытуемого остатков воли и желания сопротивляться. Удовлетворённый произведённым впечатлением, Петрович завершал подготовку неизменным: «Не станешь врать, всё будет хорошо. Итак, включаю!» — и как можно громче щёлкал языком о верхнее нёбо.

Михаил Николаевич постучался в кабинет к Петровичу и, услышав «входите», открыл дверь. Он застал полиграфолога за чтением книги, аккуратно обёрнутой в обложку из газеты.

— Добрый день. Степан Петрович, наш начальник Виктор Фёдорович передаёт вам привет.

— Добрый день. Виктор Фёдорович просто так приветами не раскидывается. Есть ко мне пациент?

— Точно. Завтра будет молодой художник-реставратор.

— Художников у меня ещё не было. Писатели были, два поэта были, музыканты, певички и один певец, актёры и актрисы были. Что там ваш художник, подделки рисовал и подменял после реставрации?

— Почти. Участник покушения на убийство.

— Ух ты, серьёзно. А вы — «реставратор»? Так и говорите

— подозреваемый в убийстве. Случайное или умышленное?

— У жертвы множественные колото-резанные раны.

— И что, отпирается? И никаких следов? Бывают такие. Я вам так скажу, с простыми ко мне не ходят. Ничего-ничего, мы с Полюшкой дело знаем. Ведите завтра своего художника. Папку на него мне оставьте, я посмотрю до завтра. У моей Поли мозги знаете какие, у-у-у, насквозь человека видит.

Глава 4. Полиграф и Петрович

На следующий день, не с самого утра, а специально после обеда, чтобы подольше помариновать Кирилла, его доставили для проведения теста на полиграфе. Петрович провёл свой обряд по программе, отработанной годами, без сбоев и запинок. Парень смиренно сидел на стуле перед медицинской тележкой. Петрович монотонно казёнными фразами провёл инструктаж, посвятил в принципы работы оборудования, назначения датчиков, выяснил, нет ли у Кирилла ограничений и противопоказаний, предупредил о проведении аудио- и видеозаписи во время сеанса, дал прочитать и подписать добровольное согласие на тестирование, кратко рассказал о плане вопросов — нейтральные и контрольные для калибровки, основные по сути подозрения, дополнительные.

Всё было готово, датчики закреплены, видеокамера мигала красным огоньком индикатора, монитор ноутбука отображал на лицо Петровича синий свет. Полиграфолог потёр ладони, сцепил пальцы в замок, вывернул и вытянул руки до хруста в суставах, затем расцепил замок, энергично размял пальцы, склонился над ноутбуком и торжественно произнёс:

— Итак, начнём. Калибровка. Отвечать только да или нет. Понятно?

— Понятно.

— Только да или нет. Понятно?

— Да.

— Тебя зовут Кирилл?

— Да.

— Так, ага, молодец, хорошо, — пробормотал Петрович.

— Сегодня среда?

— Да?

— Да, чего ты меня путаешь? Сегодня среда. Я тебя спрашиваю, сегодня среда?

— Извините, я в днях запутался. Да.

— Что да? Давай настройся. Ещё раз, сегодня среда?

— Да.

— Хорошо-хорошо. Не волнуйся, Поли всё видит... Наркотики принимаешь?

— Какие?

— Только да или нет. Чего сложного-то?

— Да.

— Что да? Ты наркоман?

— Нет. Ничего сложного — это да. Понял, поехали дальше.

— Ты алкоголик?

— Нет.

— Ты знаешь своего отца?

— Да.

— Ты служил в армии?

— Да.

— Ты занимаешься спортом?

— Нет.

— Ты убивал кого-нибудь?

— Нет.

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Да.

— Так, Кирилл, всё, мы с Поли настроились на тебя. Сейчас проведём экспресс-тест, отвечай быстро, не задумываясь.

— Так вы уже все основные вопросы задали, мне показалось.

— Это будут дополнительные. Поехали?

— Да.

— Ты когда-нибудь в своей жизни воровал?

— Да.

— Ты дрался когда-нибудь?

— Да.

— Тебя били, над тобой издевались?

— Да.

— Это был мужчина?

— Нет.

— Это была женщина?

— Да.

— Тебе хотелось отмстить?

— Да.

— Ты любишь деньги?

— Да.

— Ты любишь вкусно поесть?

— Да.

— Ты знаешь, что у тебя есть сестра?

— Да.

— Ты её видел?

— Нет.

— Ты с ней встречался?

— Нет.

— Ты нападал с ножом на женщину?

— Да.

— Ты убил её?

— Нет.

Петрович достал из-под ноутбука две фотокарточки и резким движением поднёс их к глазам Кирилла:

— Это она?

— Да.

— Это ты сделал?

— Да.

— Вас было двое?

— Да.

— Вы вместе с отцом?

— Да.

Зрачки Кирилла расширились, полностью заполнив радужку. Он стал пересохшим ртом жадно глотать воздух и шумно выдыхать. Руки крупно задрожали. Казалось, датчики с проводами отскочат в разные стороны. Петрович бро-

сил фотографии на тележку и прижал руки Кирилла к подлокотникам:

— Всё-всё, спокойно. Тихо-тихо. Уже всё. Я ж тебе говорил, Поли тебя насквозь видит.

Петрович положил перед собой фотографии. С одной на него улыбаясь смотрела Мария Александровна с аккуратно зачёсанными волосами. На другой была тоже запечатлена Мария Александровна, но с закрытыми глазами, в домашнем халате, в луже тёмно-красной крови.

— На сегодня всё. Отчёт я готовлю, завтра передам следователю.

Петрович вызвал сопровождение, собрал с обмякшего Кирилла датчики. Помог сопровождающему поднять арестанта и проводил обоих за дверь. Сам остался расшифровать результаты и оформить отчёт.

Когда с отчётом было покончено, Петрович стал собирать полиграф, приговаривая:

— Молодец, Полюшка, ты, как всегда, молодец.

Разложил оборудование по полкам тележки, легко вкатил её в нишу за шкафом, накрыл салфеткой и довольно пробурчал:

— На сегодня всё.

Петрович сел за стол, вытянул длинные ноги, откинулся на спинку кресла и хотел было посидеть так минут пять, а может даже десять. Однако желанию этому не суждено было сбыться. В дверь постучали.

«Может быть, уйдут, если не отвечать», — подумал Петрович. Но в дверь постучали ещё настойчивей. Петрович выпрямился в своём кресле и крикнул: «Входите!». Вошли сразу двое: Михаил Николаевич и Мария Александровна. Хозяин кабинета окинул их взглядом, оценил ситуацию и принял решение: «От этих, тем более двоих, надо избавляться, иначе вечер будет потрачен на разговоры и объяснения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.